

преподавателей и административных сотрудников вузов. Если говорить об исходящей мобильности, то, по данным ежегодного отчета Европейской комиссии о результатах программы «Эразмус+», в 2018/19 году в ней участвовало более 18 000 студентов и стажеров из Великобритании. Что же касается науки и инноваций, Великобритания занимает второе место по объему научного финансирования, полученного в рамках программы «Горизонт-2020».

Приведенные выше цифры показывают, что Великобритания — привлекательный образовательный партнер. Сильнейшее влияние на выбор студентами места учебы оказывает культурный и языковой фактор. Учитывая текущие условия и то, сколько времени британскому правительству понадобилось, чтобы подготовить новую инициативу, эта медлительность может отрицательно сказаться на британских вузах. Возможно, европейские студенты уже настроились на Ирландию или другие страны, например Нидерланды, которые предлагают полностью англоязычные бакалаврские и магистерские программы. Подобная «утечка» повлечет за собой серьезные испытания для британских вузов.

Великобритания планирует запустить новую программу уже в сентябре 2021 года. Но, как уже говорилось выше, налаживание партнерских отношений с вузами за пределами программы «Эразмус» — длительный процесс, требующий долгих переговоров, а это особенно трудно в условиях пандемии. Не стоит недооценивать и проблемы географического характера. Страны, которые ближе всего к Британским островам в культурном и языковом плане, находятся за пределами Европы, их разделяют океаны и континенты. А значит, неизбежны дорогие перелеты, значительная разница во времени (что затрудняет общение) и, что самое главное, различия в образовательном контексте. Кроме того, стимулируя студентов к поездкам в далекие страны, куда невозможно добраться на поезде или другом экологичном виде транспорта, правительство наносит вред окружающей среде.

Заключение

Демократия очередной раз привела к парадоксальной ситуации: молодые британцы, которые вообще не голосовали на референдуме о членстве в ЕС или голосовали против выхода, возможно, будут вынуждены заплатить за Брекзит очень высокую цену. Опыт международной мобильности — это не просто про то, чтобы провести семестр вдали от дома. Подобный опыт делает человека более открытым миру в условиях неуклонного усиления глобализации (процесс, который продолжится по окончании пандемии) и дальнейшего переплетения культур. Вот почему мы полагаем, что в сравнении с хорошо налаженной и уже зарекомендовавшей себя программой «Эразмус» новая Программа имени Тьюринга несет с собой больше проблем, нежели возможностей.

Долгая борьба за повышение академических стандартов в России

Филип Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США). Член Совета Проекта 5–100. E-mail: philip.altbach@bc.edu.

В Times Higher Education уже выходила укороченная версия этой статьи.

В 2013 году российское правительство запустило проект повышения конкурентоспособности ведущих вузов, получивший широкую известность как Проект 5–100, потому что среди его целей было сделать так, чтобы хотя бы пять российских вузов вошли в топ-100 международных рейтингов. Основные задачи, впрочем, заключались в превращении группы ведущих российских университетов в исследовательские, повышении их международной конкурентоспособности и усилении интернационализации. Хотя в рамках этой уже подходящей к концу программы и не удалось достичь целей, связанных с рейтинговыми показателями, у нее много других достижений. Из множества кандидатов международный совет в итоге отобрал 21 российский университет, и за семь лет действия программы на поддержку этой группы было выделено в общей сложности около 2,3 млрд долларов США, что составило примерно 9% среднегодового бюджета этих вузов. Сейчас, когда российское правительство рассматривает возможность запуска новой инициативы по повышению качества российских университетов, стоит внимательно изучить положительный и отрицательный опыт, полученный в ходе Проекта 5–100.

Контекст

Российская система высшего образования очень масштабная и многообразная, у нее нетривиальная и неоднозначная история, и сейчас перед ней стоят новые задачи. В России 724 вуза, в которых обучается примерно 4 миллиона студентов, или 73% выпускников школ, — это одна из самых больших систем высшего образования в мире. Большинство ведущих университетов расположены в Москве и Санкт-Петербурге, однако первоклассные университеты есть и в отдаленных регионах этой огромной страны. Ее трудное прошлое по-прежнему сказывается и на современных реалиях. В советские времена высшее образование обслуживало задачи государства, вузы были лишены

автономии и в идеологическом плане должны были подчиняться Коммунистической партии. Большинство некогда многопрофильных университетов были разделены на небольшие узкоспециализированные институты, обслуживавшие потребности отдельных направлений промышленности и министерств. Университеты занимались почти исключительно образованием, а за науку отвечали институты Академии наук СССР. Традиция университетов как организаций, объединяющих образование и науку, во многом сошла на нет. (Хотя были и исключения: в годы холодной войны было создано несколько новых исследовательских университетов.) Высшее образование было тесно связано с системой экономического планирования. Неудивительно, что вся академическая и научная система страшно обюрократилась. К тому же научные связи с остальным миром были редкостью: советские ученые работали автономно, без взаимодействия с другими учеными. Впрочем, несмотря на суровые ограничения некоторые университеты и исследовательские институты, преимущественно в сфере физики и математики, по праву считались институтами мирового класса, а советская академическая система в целом играла огромную роль в пределах обширной сферы международного влияния советского. Существенных достижений добивались советские ученые в технической и оборонной областях.

Когда в 1991 году Советский Союз распался, в политике и экономике наступил период суровой нестабильности, продлившийся целое десятилетие. Вузы и исследовательские институты лишились большей части господдержки, в большинстве случаев ослабили стандарты, испортилась инфраструктура. Сотрудники вузов, ученые и студенты впервые за 70 лет получили возможность напрямую общаться с внешним миром, и многие предпочли навсегда уехать. Коррупция, которая и так всегда являлась неотъемлемой частью советской системы, только еще больше расцвела, поскольку организациям и их сотрудникам надо было как-то выживать в условиях экономических трудностей и политической нестабильности.

Современное российское высшее образование и наука по-прежнему тяготеют некоторыми элементами, унаследованными из советского прошлого, включая сильную забюрократизированность и разделение преподавания и науки, несмотря на все предпринимаемые (и, надо отметить, иногда небезуспешные) усилия.

Своего рода пробуждение

К 2000 году российское правительство и общество признали, что образование и наука в кризисе, и примерно в то же время ситуация в экономике в целом более или менее стабилизировалась, а нефтяные доходы и восстановление промышленности обеспечили страну новыми ресурсами. Коррупцию удалось немного обуздать. К примеру, в 2009 году на смену в корне коррумпированной и совершенно вышедшей из-под контроля системе вступительных экзаменов в вузы

пришел ЕГЭ, который довольно успешно работает и сейчас. Если раньше некоторые институты Российской академии наук сдавали свои помещения частным компаниям, то сейчас эта сомнительная и иногда даже противозаконная практика прекратилась. Проблемы, впрочем, по-прежнему есть. Взять, к примеру, новости о крупных региональных чиновниках, покупающих диссертации.

Финансирование вузов и РАН существенно увеличилось, хотя и остается недостаточным. Больше внимания стало уделяться науке. В результате конкурсного отбора 29 вузам был присвоен статус «национальных исследовательских университетов», они стали получать дополнительное финансирование. Правительство также поддержало создание при российских университетах международных лабораторий под руководством ведущих мировых ученых, которые действительно проводят продолжительное время в России. Некоторые известные российские ученые, которые когда-то уехали из страны, вернулись специально, чтобы возглавить эти научные лаборатории. Были разработаны принципы модернизации системы управления вузами, в результате чего преподаватели, чей уровень дохода резко сократился после 1991 года, стали получать более высокую зарплату, которая, впрочем, остается неудовлетворительной по международным меркам. В результате всех этих изменений научная продуктивность в России увеличилась.

Проект 5–100 и реформа высшего образования

Результаты Проекта 5–100 оказались существенными, особенно если учитывать, как сложно заниматься оптимизацией университетов вообще и в российском контексте в частности. Пожалуй, самое важное заключается в том, что этот проект обозначил идею создания исследовательских университетов мирового класса в России как одну из приоритетных национальных задач. Были выделены огромные, хоть и недостаточные для революционных изменений средства. Деньги, полученные в рамках этой программы, вузы-участники должны были тратить на определенные направления деятельности. Со временем традиция туманного и нереалистичного академического планирования ушла в прошлое, вузы стали ставить перед собой более реалистичные и практические цели. По ходу проекта успешные университеты получали значительное дополнительное финансирование, другие, наоборот, получали меньше. Для высшего руководства и других представителей вузов проводились семинары по оптимизации системы управления, укреплению интернационализации и разработке новых идей. Руководители высшего звена и другие ключевые сотрудники из разных вузов-участников встречались, чтобы обсудить общие проблемы, в результате чего сложилась атмосфера дружеского соперничества.

Последние исследования зафиксировали увеличение продуктивности не только в вузах — участниках Проекта 5–100, но и в других университетах. Таким

образом, в плане повышения качества и количества научных исследований инвестиции действительно окупаются, реализуются стратегические задачи, модернизируется система управления университетами. А другие российские вузы, которые тоже хотят наладить исследовательскую работу и повысить свой престиж, теперь ориентируются на вузы, участвующие в Проекте 5–100.

Результаты Проекта 5–100 оказались существенными, особенно если учитывать, как сложно заниматься оптимизацией университетов вообще и в российском контексте в частности.

Скромные, но заметные достижения

Для участия в Проекте 5–100 был выбран 21 университет, которые, как считалось, обладали наилучшим потенциалом для превращения в исследовательские университеты, конкурентоспособные на международном уровне. Если судить по объективным показателям, то все вузы добились определенных успехов, хотя результаты по крайней мере трети из них достаточно скромные. Часть участников, вместо того чтобы работать на осязаемый результат, попытались обхитрить систему. А ведущие вузы стремительно продвинулись вверх в международных рейтингах и пополнили ряды лучших исследовательских университетов мира. Хотя некоторые вузы стремились конструктивным образом вовлечь в эти процессы институты РАН, в общем и целом РАН не поддавалась воздействию реформ и по-прежнему остается замороженной в своем советском состоянии.

Пусть ни одному из вузов — участников проекта не удалось попасть в топ-100 международных рейтингов (и вообще, рейтингам и другим количественным показателям и так уделялось слишком много внимания), в целом наблюдалась положительная динамика, и некоторые вузы добились определенных успехов в предметных и отраслевых рейтингах.

России следует уделить серьезное внимание остальной части своей масштабной системы высшего образования, качество которой остается в общем и целом достаточно низким. В этом смысле Россия похожа на большинство других стран с развивающейся экономикой. Передовые исследовательские университеты — это, конечно, важно, но они являются лишь верхушкой непростой системы высшего образования, ситуация

в которой осложняется проблемами, связанными с огромной площадью страны и зачастую слабыми институтами регионального уровня. Важно помнить, что российские университеты присоединились к мировому академическому пространству лишь в последние десятилетия и что даже сейчас международные связи и международное сотрудничество остаются довольно скромными. Только с учетом всего этого можно будет всерьез надеяться на то, что в России удастся построить университеты мирового класса.

Очевидно, что российская система высшего образования — одна из важнейших в мире и что Россия обладает огромным кадровым потенциалом. Если Россия хочет наладить связи с передовыми мировыми университетами, вносить существенный вклад в мировую науку и готовить кадры, которые будут соответствовать нетривиальным потребностям современной экономики, ей действительно нужны исследовательские университеты мирового класса. И Проект 5–100 — это хорошее начало. Теперь, когда полным ходом идет обсуждение следующей инициативы, у России есть шанс сделать еще один шаг в сторону достижения своих амбициозных целей — при условии тщательного планирования и адекватного финансирования.

Высшее образование в России и демографическая революция

Нияз Габдрахманов и Олег Лешуков

Нияз Габдрахманов — научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования НИУ ВШЭ (Москва).

E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru.

Олег Лешуков — заместитель руководителя Института образования НИУ ВШЭ.

E-mail: oleshukov@hse.ru.

В российской системе высшего образования грядут значительные изменения на фоне нетривиального стечения обстоятельств — общего сокращения численности населения и при этом увеличения численности молодежи студенческого возраста. В настоящий момент российская система высшего образования входит в число мировых лидеров массовизации. Речь и об абсолютном количестве студентов, и о совокупной доле учащихся среди молодежи. По данным на 2019 год, в России насчитывалось